

Глава II. Социальные эстафеты и куматоиды

В этой главе мы изложим основные представления теории социальных эстафет, которые, как нам представляется, позволяют решить проблему способа бытия семиотических объектов и преодолеть как парадокс Чеширского Кота, так и морфологический парадокс. В последующих главах эта теория будет значительно детализирована.

Социальные куматоиды

1. Социум как «волна»

Уже давно было замечено, что социальные явления напоминают волны. Об этом еще в конце XIX века писал, например, известный французский социолог Г.Тард в своей работе «Законы подражания». Рассмотрим эту аналогию более подробно, ибо она вполне этого заслуживает. Представьте себе одиночную волну, которая бежит по поверхности водоема. Это очень интересное явление. Волна бежит, но частицы воды вовсе не перемещаются вместе с ней. Они описывают некоторые заданные этой волной замкнутые траектории и остаются на месте. Допустим, что мы каким-то образом перемещаемся вместе с волной. Относительно нас волна неподвижна, но через нее протекают все новые и новые частицы воды. Что же такое волна? Она есть нечто совершенно неуловимое, ибо она все время обновляет себя. Волну нельзя идентифицировать с каким-то материалом, с каким-то куском вещества. Ее нельзя поймать и подержать в руках или зачерпнуть ведром. Ну, разве это не улыбка Чеширского Кота? Еще один пример. Представьте себе, что у красного светофора выстроилось много машин. Вот загорелся зеленый сигнал, и машины начинают двигаться одна за другой. Это тоже некоторое подобие волны, которая распространяется в направлении противоположном движению машин. Удивительно, но этой способностью постоянного самообновления и относительного безразличия к материалу обладают и все социальные явления в очень широком диапазоне.

Возьмем в качестве первого примера Московский университет. В свое время он сменил здания и остался, тем не менее, Московским университетом. Каждые пять лет полностью сменяется состав студентов, каждые три года – состав аспирантов, меняются преподаватели и администраторы, но мы по-прежнему говорим о Московском университете. Разве не напоминает он волну по признаку постоянного обновления материала? Но в такой же степени напоминает волну и любая должность в рамках университета, например, ректор или декан философского факультета. Эти должности в разное время занимают разные люди, сменяя друг друга. Очевидно, что все сказанное можно повторить применительно к любому социальному институту, применительно к заводу, воинской части, научному учреждению. Общество в целом тоже волноподобно, ибо постоянно воспроизводит себя от поколения к поколению в виде сложной программы поведения людей, но на все новом и новом материале.

Будем все явления подобного типа называть социальными куматоидами (от греческого κύμα – волна). Социальный куматоид – это

объект, представляющий собой реализацию некоторой социальной программы поведения¹ на постоянно сменяющемся друг друга материале и в этом плане отдаленно напоминающий одиночную волну на поверхности водоема, которая в своем движении заставляет колебаться все новые и новые частицы воды. Эта особенность волны – относительная независимость от материала, на котором она живет, – позволяет выделить как в природе, так и в обществе, широкий класс волноподобных явлений, объединенных указанной особенностью. В природе, например, – это смерч, лесной пожар, живой организм... Что касается знаменитой кошачьей улыбки, то она как раз и представляет собой некоторую программу, которая постоянно «пересаживается» на новый материал.

2. Природные куматоиды

Нас в первую очередь интересуют, разумеется, куматоиды социальные, но в плане уточнения и расширения наших представлений полезно показать, что и в природе можно выделить широкий класс волноподобных явлений. Это, например, смерч, лесной пожар, живой организм... В. Гейзенберг приписывает Н.Бору такие слова: «Но организмы – не статические образования. Древнее сравнение живого существа с пламенем говорит о том, что живые организмы, подобно пламени, представляют собой такую форму, через которую материя в известном смысле проходит как поток»². Сравнение не столь уж древнее. «Живой организм, – писал наш известный биолог В.Н.Беклемишев, – не обладает постоянством материала – форма его подобна форме пламени, образованного потоком быстро несущихся раскаленных частиц; частицы сменяются, форма остается»³. Беклемишев при этом ссылается на Кювье, который писал: «Жизнь есть вихрь, то более быстрый, то более медленный, более сложный или менее сложный, увлекающий в одном и том же направлении одинаковые молекулы. Но каждая отдельная молекула вступает в него и покидает его, и это длится непрерывно, так что форма живого вещества более существенна, чем материал»⁴. Основатель кибернетики Норберт Винер сравнивает живой организм с сигналом, который можно передать по радио или телевидению. «Мы лишь водовороты в вечно текущей реке, – пишет он. – Мы представляем собой не вещество, которое сохраняется, а форму строения, которая увековечивает себя. Форма строения представляет собой сигнал, и она может быть передана в качестве сигнала»⁵.

Понятие природного куматоида может сослужить хорошую службу при обсуждении многих методологических проблем естествознания. Приведем пример. В биологии принято выделять три концепции вида: типологическую, или эссенциалистскую, номиналистическую и

¹ Слово «программа» мы употребляем пока в некотором метафорическом смысле, но в дальнейшем этот термин получит более точное определение.

² Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989. С. 233.

³ Беклемишев В.Н. Об общих принципах организации жизни. Биоэкологические основы сравнительной паразитологии. М., 1970. С. 7.

⁴ Там же.

⁵ Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С. 104.

биологическую.⁶ Уже в этом противопоставлении есть некоторое смешение понятий. Первые две концепции имеют давнюю философскую традицию и связаны с попытками постичь природу общих понятий. Эссенциализм полагает, что эти понятия фиксируют некоторую объективную идеальную сущность, в то время как номинализм признает реальность только индивидов, относя общие понятия к числу искусственных творений нашего разума, которым в природе как таковой ничего не соответствует. Биологическая концепция вида, строго говоря, не имеет никакого отношения к этой философской дискуссии, ибо она вовсе не обсуждает природу общего. Вид, как пишет Э.Майр, – это «генетическая единица, включающая большой взаимосвязанный генофонд, тогда как особь – всего лишь некий сосуд, содержащий малую часть генофонда в течение короткого периода»⁷. Обратим внимание – «генетическая единица». Разве не ясно из этого, что биологический вид – это вовсе не таксон, а индивид, или, выражаясь более точно, индивидуальный куматоид, т.е. некоторая индивидуальная биологическая программа, живущая на множестве сменяющих друг друга особей. Поэтому, признавая реальность вида, но отрицая реальность высших таксонов, биологи оказываются на позициях обыкновенного номинализма, которому, якобы, только-только противопоставились.

И еще один последний пример. Физическое пространство-время – это тоже куматоид. Мы привыкли говорить, что каждый предмет занимает определенное место в пространстве. Но что такое место? Там, где был цветущий луг, можно посеять пшеницу или посадить лес или построить дом или проложить дорогу... Место остается тем же самым местом, хотя каждый раз оно представлено разным материалом, разными предметами или событиями. Оно остается тем же самым, ибо определено своим положением относительно других мест. Говоря точнее, мы должны выбрать некоторое тело отсчета и определить координаты нашего места. Но выбранное тело отсчета – это тоже некоторый материал, который может быть заменен другим материалом. Заменить сразу все – это значит уничтожить «память», в которой записано расположение мест. Следовательно, должна существовать некоторая преемственность, мы должны иметь возможность перейти к другой системе отсчета, преобразовав соответствующим образом наши координаты. Физическая теория пространства и времени теснейшим образом связана с такого рода преобразованиями. В классической физике это – преобразования Галилея, в релятивистской – преобразования Лоренца. Преобразованием можно рассмотреть и отрезок времени, который всегда представлен множеством различных событий. Одним из этих событий может быть, например, перемещение стрелки нашего секундомера, другим – удары нашего пульса или движение бегуна от старта до финиша. Итак, одно и то же место может быть представлено разным материалом в разные отрезки времени, и именно это позволяет нам выделить место как особую реальность. В такой же степени один и тот же отрезок времени представлен различными событиями в разных местах. Уже здесь проглядывает тесная связь пространства-времени и

⁶ Майр Э. Принципы зоологической систематики. М., 1971. С. 38-40.

⁷ Майр Э. Популяции, виды и эволюция. М., 1974. С. 21.

движения. Если бы все «замерло», мы не имели бы ни пространства, ни времени.

3. Примеры социальных куматоидов

Но вернемся в сферу наук об обществе. Примерами социальных куматоидов могут служить: 1. Социальные роли, такие как бухгалтер, столяр, ректор МГУ, президент США... В каждом из этих случаев речь идет о некоторой программе деятельности, которую в разное время и в разном предметном окружении реализуют разные люди, постоянно сменяющие друг друга. 2. Социальные институты, такие как газета, научно-исследовательский институт, университет, политическая партия, воинское подразделение... Здесь опять-таки все меняется, кроме некоторой совокупности взаимосвязанных программ деятельности людей. 3. Этнос или нация. 4. Язык, который постоянно воспроизводится и передается от поколения к поколению.

Другой пример социального куматоида — это такое явление, как образ жизни, т.е. постоянно воспроизводимый изо дня в день или из года в год и передаваемый от поколения к поколению способ времяпровождения в том или ином сообществе людей. Вот, например, небольшой отрывок из работы известного американского этнографа Маргарет Мид «Взросление на Самоа». Глава называется «День на Самоа». «По всей деревне разносятся ритмичные звуки тамтама, собирающего молодежь. Она сходится со всех концов деревни, держа в руках палки для вскапывания земли, готовая отправиться в глубь острова, на огороды. Люди повзрослее приступают к своим более уединенным занятиям, и под конической крышей каждой хижины воцаряется обычная утренняя жизнь. Маленькие дети, слишком голодные, чтобы ждать завтрака, выпрашивают ломти холодного таро и жадно грызут их. Женщины несут кипы белья к морю или к ручью на дальнем конце деревни либо отправляются в глубь острова за материалом для плетения. Девочки постарше идут ловить рыбу на риф или усаживаются за плетением». ⁸ Нет смысла продолжать эту цитату, ибо и так ясно, что речь идет не о каком-то конкретном дне, а о последовательности событий, которая воспроизводится и повторяется изо дня в день и из года в год. Каждый день слышатся здесь звуки тамтама, каждый день кто-то ловит рыбу или плетет циновки, каждый день кто-то уходит работать на огороды. В совокупности все это и образует образ жизни. Люди рождаются и умирают, сменяются поколения, а образ жизни может оставаться одним и тем же. И очевидно, что в основе этой устойчивости и повторяемости лежат не словесные инструкции, ибо таковых просто не существует, а механизмы более фундаментальные — социальные эстафеты, т.е. воспроизведение форм поведения и деятельности по непосредственным образцам. Примером куматоида может быть и такой сложный объект, как город. Нетрудно заметить, что он постоянно обновляет себя по материалу: сменяются поколения, строятся и перестраиваются здания, прокладываются новые транспортные магистрали, создаются или вырубаются парки... Короче говоря, непрерывно меняются как сами люди, так и их предметное окружение. Но в этом непрерывном потоке обновления

⁸ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. С. 96–97.

можно выделить некоторые инварианты, которые и делают город городом. Город отличается от деревни характером застройки, что свидетельствует, вероятно, о наличии соответствующих традиций. Он отличается характером деятельности людей, и можно говорить о традиционно городских и традиционно деревенских видах деятельности. Наконец, очень часто при определении города указывают на специфику городского образа жизни.⁹

Иными словами, город, как и университет, – это некоторая очень сложная программа или, точнее, множество взаимодействующих друг с другом программ. Одни из них существуют в виде словесных инструкций, другие используют специальные знаковые средства типа знаков уличного движения, третьи действуют на уровне «молчаливых» традиций. Одни из этих программ обеспечивают условия для реализации других, создавая или организуя соответствующим образом предметную или информационную среду. Современный городской образ жизни, например, не может быть реализован при отсутствии транспортных и телефонных сетей, централизованного водоснабжения, очистных сооружений и т.д. Это сложная программа, в рамках которой действуют люди, город задает некоторое множество социальных мест, т.е. некоторое социальное пространство. Можно изучать структуру этого пространства, т.е. пытаться выявить все социальные места и связи между ними. Делая это, мы исследуем ту же самую программу, но с особой точки зрения: нас интересует, как эта программа реализуется на человеческом материале. Человек, например, может сам сварить себе обед, спечь хлеб, сходить к реке за водой, но он может пообедать в столовой, купить хлеб в магазине, воспользоваться водопроводом. В первом случае о социальном пространстве нет особого смысла говорить: оно как бы «свернуто» в точку, ибо один человек занимает сразу все социальные места. Социальное пространство в полном смысле этого слова возникает только во втором случае, когда та же самая программа реализуется через взаимные отношения людей. Кстати, ситуацию, когда повар оказался посетителем своей собственной столовой, не следует смешивать с первым случаем, ибо социальные места здесь уже заданы и закреплены совокупностью других отношений, отношений других людей.

Говоря, что город – это программа, мы вовсе не имеем в виду, что все события, происходящие в городе, запрограммированы. Город предоставляет человеку огромный набор образцов поведения и деятельности, а, следовательно, широкие возможности для выбора и комбинирования. Поэтому многие траектории городского жителя своеобразны, неповторимы и представляют собой продукт его индивидуального творчества. В этом город существенно отличается от деревни, где выбор меньше и запрограммированность поэтому имеет более жесткий характер. Конечно, и в городе есть стандартные и постоянно воспроизводимые траектории, которые характеризуют образ жизни отдельных групп населения или городской образ жизни в целом. Но в принципе город очень способствует творческой активности личности. Существует и еще одна причина, в силу которой далеко не все события в городе

⁹ Боже-Гарнье Ж, Шабо Ж. Очерки по географии городов. М., 1967. С.38.

запрограммированы. Мы имеем здесь дело с взаимодействием людей, а результаты этого взаимодействия могут не зависеть от программ, реализуемых каждым из участников. Шахматная партия, например, протекает в соответствии со строгими правилами, которые ни один из игроков не может нарушить, но эти правила вовсе не предreshают исход борьбы.

Пример с городом, с одной стороны, расширяет наши представления о социальных куматоидах, а с другой, показывает, что наличие социальных программ, если их много, не ограничивает свободу человека, а напротив, является ее предпосылкой. В городе человек более свободен, чем в деревне.

4. Семиотические объекты как куматоиды

В нашей социальной жизни мы буквально окружены куматоидами, мы представляем собой тот материал, на котором они живут, они выступают от нашего имени, они делают нас людьми. Для гуманитарных наук очень важно, что к числу социальных куматоидов принадлежат все семиотические объекты: знаки, знания, литературные произведения, научные теории. Возьмем, к примеру, любой знак языка. «Когда мы слышим на публичной лекции, – пишет Ф. де Соссюр, – неоднократно повторяемое обращение Messieurs! "господа!", мы ощущаем, что каждый раз это то же самое выражение. Между тем вариации в произнесении и интонации его в разных оборотах речи представляют весьма существенные различия, столь же существенные, как и те, которые в других случаях служат для различения отдельных слов...»¹⁰ Что же такое слово? Пример показывает, что перед нами некоторая программа порождения определенных акустических явлений, которая постоянно реализуется разными людьми и в разных ситуациях. Этого, разумеется, еще недостаточно для характеристики слова, ибо должна существовать и вторая программа, определяющая, при каких именно обстоятельствах следует порождать указанные акустические явления. Слово, следовательно, – это, по крайней мере, две связанные друг с другом социальные программы, одна из которых определяет условия реализации другой. Материал слова все время меняется, меняется каждый раз, когда мы его произносим. Но непрерывно меняются и те предметы, которые слово обозначает. В городе каждый дом вы можете назвать «домом», в лесу каждое дерево – «деревом». Ананас покупают и съедают, но вновь купленный ананас – это тоже «ананас». Очевидно, что перед нами пример куматоида, слово как куматоид. Конечно, как и волна, куматоид достаточно избирателен и живет только в определенной среде. Океанские волны не распространяются в глубь континента, слово «ананас» не обозначает дом или горную породу.

Но перейдем к такому явлению, как знание. Когда речь заходит об анализе знания, о выявлении его строения, то, прежде всего, бросается в глаза некоторая неопределенность в самой постановке задачи. Что, собственно говоря, мы должны исследовать? Знание как объект совсем не похоже на то, с чем мы обычно сталкиваемся, говоря о структуре или строении. Оно не похоже, например, на кристалл или молекулу. Прежде

¹⁰ Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 140.

всего бросается в глаза его какая-то неопределенная пространственно-временная локализованность. Действительно, где и как существует данное конкретное знание? Непосредственно оно может быть представлено пятнами типографской краски на бумаге или звуковыми колебаниями, или царапинами на камне. Вряд ли, однако, можно считать, что, повторяя одну и ту же фразу или размножая рукопись большим тиражом, мы тем самым увеличиваем количество знания. Мы что-то увеличиваем, но что? Очевидно, что все экземпляры данного издания курса теоретической физики Ландау и Лифшица содержат одно и то же знание, если там нет типографского брака, не вырваны страницы и т.д. Разве это не странно?

Имея стакан воды, мы можем разлить воду в несколько стаканов, но ни один из них не будет при этом полным. Если количество стаканов сильно увеличить, то каждый в отдельности окажется практически пустым. Со знанием этого не происходит, ибо, размножая научную книгу или статью в большом количестве экземпляров, мы в каждой из них получаем одно и то же знание, целиком, а не по частям. Знание в этом плане напоминает сказочный неразменный рубль. И это еще раз подчеркивает, что говоря о строении знания, мы должны отбросить слишком прямые аналогии со строением вещества.

Все указанные трудности преодолимы, если рассматривать знание как куматоид. Оно в этом случае подобно волне, которая все время представлена в новом материале. Разные экземпляры одной и той же книги, тексты, написанные или произнесенные вслух, – все это одно и то же знание, одна и та же «волна». Материал меняется, но «волна» одна и та же. Одну и ту же мысль можно выразить различным образом, можно повторить несколько раз, можно записать на бумаге или на магнитофонной ленте. Разве это не удивительно!

Указанная специфика семиотических явлений представляется Соссюру настолько важной, что он тут же пытается осознать ее с более общих позиций и ищет аналогичные примеры за пределами языка. По сути дела, он вплотную подходит к понятию куматоида. «Мы говорим, например, – пишет он, – о тождестве по поводу двух скорых поездов "Женева–Париж с отправлением в 8 ч. 45 м. веч.", отходящих один за другим с интервалом в 24 часа. На наш взгляд, это тот же самый скорый поезд, а между тем и паровоз, и вагоны, и поездная бригада – все в них, по-видимому, разное»¹¹. Да, конечно, почти все разное, но есть и некоторый инвариант – совокупность программ, определяющих деятельность поездной бригады. «Представление об одном и том же скором поезде, – продолжает Соссюр, – складывается под влиянием времени его отправления, его маршрута и вообще всех тех обстоятельств, которые отличают его от всех прочих поездов»¹². Но ведь время отправления и маршрут как раз и являются элементами той программы, которая существенно определяет деятельность поездной бригады. Понятие социального куматоида важно в том плане, что оно задает особую онтологию при понимании социальных явлений и ориентирует на выявление социальных программ, их взаимосвязей и

¹¹ Там же. С. 141.

¹² Там же. С. 141.

способов существования. Применительно к науке, например, такой подход впервые реализовал Т. Кун, представив нормальную науку как сообщество ученых, объединенных единой программой – парадигмой, которая представлена чаще всего в виде общепринятой в данном сообществе теории. Научное сообщество постоянно меняется, а парадигма остается той же в своих основных чертах. Но таким же образом можно представить и литературу, и производство, и общество в целом. Так, например, американские литературоведы Р. Уэллек и О. Уоррен, о которых уже шла речь, обсуждая вопрос о способе бытия литературного произведения и рассматривая его как стратифицированную систему социальных норм, тоже фактически подходят к понятию куматоида.

Но вернемся опять к улыбке Чеширского Кота. Представьте себе, что вы держите в руках том «Войны и мира». Вы можете его сканировать, и он появится на экране вашего компьютера. Здесь нет ни бумаги, ни пятен краски, вы можете легко изменять размеры и форму шрифта. Старый материал исчез, появился совсем новый, но роман Толстого не претерпел никаких изменений. Осталась та же самая программа, программа понимания, которая просто перекочевала на новый материал. Как же это происходит?

Социальные эстафеты и традиции

1. Понятие социальной эстафеты

Подойдем теперь к самому важному и принципиальному вопросу, который фактически уже был поставлен в первой главе. Если социальные куматоиды – это достаточно сложные программы поведения, связанные друг с другом, то каков способ существования этих программ? Где и как они существуют, каков механизм их существования? Я полагаю, что исходный, базовый механизм существования социальных программ – это воспроизведение тех или иных форм поведения или деятельности по непосредственным образцам. Будем этот механизм называть социальными эстафетами.

Простейшую эстафету можно представить следующим образом: некто **А** осуществляет акцию Δ' , которую **Б** рассматривает как образец и воспроизводит в виде Δ'' . **А** и **Б** – это актуальные участники эстафеты, они могут быть представлены как разными людьми, так и одним человеком, который воспроизводит свои собственные образцы. Наряду с актуальными участниками, можно говорить и о потенциальных, к последним относятся те, кто имеет образец Δ' в поле своего зрения и способен к его реализации, но фактически по тем или иным причинам этого не делает. Все мы, например, являемся участниками эстафеты курения, актуальными или потенциальными. Предполагается, что любая реализация всегда в чем-то отличается от образца, что и нашло отражение в приведенных обозначениях. Меняется при этом не только характер действий, но и предметы, с которыми мы оперируем. Иными словами, эстафета – это элементарный социальный куматоид. В историческом развитии человека эстафеты предшествуют речи и обеспечивают закрепление и трансляцию первых трудовых навыков и технологий. Современный ребенок осваивает язык не по словарям и учебникам, а опять-таки путем воспроизведения образцов речевой деятельности, которые

ему демонстрируют окружающие его люди. Каждый человек с первых дней своей жизни становится актуальным или потенциальным участником огромного количества социальных эстафет, определяющих его поведение, речь, восприятие мира.

Механизм воспроизведения образцов мало исследован. В литературе довольно часто говорят о подражании: ребенок осваивает язык, подражая взрослым, один писатель может подражать другому... Однако, термин «подражание» неудобен, т. к. начиная с Г.Тарда и до настоящего времени, он впитал в себя большое количество различных и очень конкретных значений, чаще всего связанных с психологией. «Подражание усматривают в самых различных видах поведения, — пишет М. Оссовская. — Мак-Даугал различал: 1) подражание в сфере эмоций, когда на улыбку отвечают улыбкой, на плач — плачем; 2) повторение за кем-то определенных движений, например, зевание, когда кто-то зеваает, или наклон тела в том же направлении, в каком наклоняется у нас на глазах канатоходец; 3) стремление походить на человека, вызывающего восхищение или уважение»¹³. О подражании часто говорят как о побудительных мотивах, как о факторе, который побуждает к действию. Г.И. Челпанов, например, пишет: «Если мы видим, что кто-либо совершает какое-либо действие, например, танцует, то и у нас, как известно, является побуждение совершать это действие»¹⁴. Говоря о социальных эстафетах, мы будем отвлекаться от всех подобных деталей, интересуясь только одним — способом передачи опыта от одного человека к другому или от поколения к поколению. Социальная эстафета в ее максимально простом варианте — это воспроизведение различных форм человеческого поведения или деятельности в условиях, когда в нашем распоряжении нет никаких иных средств, кроме непосредственных образцов. Такое воспроизведение мы и будем в дальнейшем называть непосредственными эстафетами или просто эстафетами, когда нет особой необходимости подчеркивать их непосредственный характер. Например, первоначальное усвоение языка ребенком не предполагает ничего, кроме включения ребенка в языковую среду. Фиксируя это, мы вовсе не собираемся исследовать психологические механизмы усвоения языка. Важно только одно: каковы бы ни были эти механизмы, у ребенка нет никаких источников информации о языке, кроме демонстрируемых ему образцов живой речи.

Наряду с непосредственными эстафетами, существуют и опосредованные. Так, например, на базе развития языка и речи появляется возможность воспроизводить поведение не прямо по образцу, а по его описанию. Такие эстафеты мы будем называть опосредованными или вербализованными. Но везде в дальнейшем, где термин «эстафета» используется без всяких дальнейших уточнений, следует иметь в виду воспроизведение каких-то акций по непосредственным образцам. Вербализация эстафет порождает ряд проблем, о которых мы поговорим несколько ниже. Отметим пока следующее: 1. Очевидно, что вербализованные эстафеты предполагают существование языка и речи, которые сами воспроизводятся по

¹³ Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987. С. 34

¹⁴ Челпанов Г. Введение в философию. М., 1912. С. 350.

непосредственным образцам; 2. Строго говоря, любое словесное описание недостаточно для воспроизведения поведения или деятельности, если у нас при этом нет никаких образцов хотя бы для элементарных операций. Последнее замечание означает, что между вербализованными и непосредственными эстафетами нет четкой границы.

Введем еще несколько уточнений.

1) Говоря об образцах, мы прежде всего имеем в виду образцы живой деятельности или поведения, а не образцы одних только вещей или ситуаций. Конечно, нельзя продемонстрировать деятельность, не демонстрируя в то же время исходный материал, орудия и продукты, но в деятельности все это увязано с теми операциями, которые мы осуществляем. Возможны, однако, случаи, когда в нашем распоряжении имеется только образец продукта, который был кем-то получен, и нам надо получить такой же или аналогичный. Это особый случай, напоминающий эстафету, но гораздо более сложный, ибо непосредственный образец действий здесь тоже отсутствует, как и в случае вербализованных эстафет, и мы должны его реконструировать. Перед нами еще один случай опосредованной эстафеты.

2) Мы до сих пор говорили только о тех образцах, которые постоянно воспроизводятся. Но существуют и образцы-запреты, образцы каких-либо акций, которые приводили к нежелательным результатам. Вероятно, функционирование любой эстафеты ограничено некоторым множеством ситуаций, за пределами которого нас будет постигать неудача при реализации образцов. Не каждую собаку можно погладить, не все растения или грибы можно употреблять в пищу, не по любой дороге можно проехать на вашей автомашине, не любую задачу можно решить некоторым привычным методом. Проблема в том, что образцы-запреты не должны, казалось бы, постоянно воспроизводиться, в то время как негативный опыт должен передаваться от человека к человеку, от поколения к поколению. Мы не будем здесь рассматривать эту проблему, но создается впечатление, что негативный опыт закрепляется в социальной памяти значительно хуже, чем позитивный, и человечество не склонно учиться на своих ошибках¹⁵.

2. Механизм воспроизведения образцов

Механизм воспроизведения образцов явно имеет не только биологический, но и социальный характер. Это последнее и должно нас интересовать прежде всего. Ключевым положением является следующее: отдельно взятый образец в принципе не может быть однозначно воспроизведен в силу того, что все на все похоже в том или ином отношении. Ребенок, которому сказали «это – яблоко», указав на соответствующий предмет, может потом назвать словом «яблоко» или «обоко» и яйцо, и зеленый карандаш, и многое другое. Он при этом совершенно прав, ибо на яблоко в том или ином отношении похоже множество предметов. Иными словами, образец сам по себе не задает четкого множества возможных реализаций. Если эстафетный механизм

¹⁵ Некоторые соображения об образцах-запретах высказаны в моей статье «От зерен фасоли к зернам истины», опубликованной в журнале «Вопросы философии», 1990, № 7.

все же постоянно срабатывает, то только потому, что мы имеем дело не с одним, а с множеством образцов, ограничивающих друг друга; образец становится образцом только в контексте других образцов, других эстафет, только в составе определенных эстафетных структур. Это означает, что понять механизм эстафет нельзя в рамках элементаристских представлений: отдельно взятых эстафет просто не существует и не может существовать, они возникают только в рамках некоторого эстафетного универсума, в рамках определенной социальной среды. Образцы воспроизводит вовсе не отдельный человек как биологический индивид. В качестве участника тех или иных эстафет всегда выступает представитель определенной культуры.

Сказанное означает, что социальные эстафеты крайне динамичны, ибо воспроизведение образцов существенно зависит от обстоятельств, при которых это происходит, от конкретного «контекста», заданного другими образцами. Эстафеты поэтому ни в коем случае не следует смешивать с традициями, которые существуют столетиями. Говоря о социальных эстафетах, мы имеем в виду механизмы человеческого поведения здесь и сейчас, т.е. в рамках конкретного среза времени, не имеющего, грубо говоря, исторических масштабов. Речь идет о синхронии, а не о диахронии. Может возникнуть вопрос, а какие конкретно отрезки времени имеются в виду, где границы синхронии? На этот вопрос нельзя точно ответить, но каждому ясно, что в некоторых пределах мы можем предполагать постоянство нашего языка, образа жизни, культуры в целом. Другое дело – традиции. На протяжении столетий они реализуют себя в разных ситуациях и социальных контекстах, существенно меняясь и сохраняя иногда только видимость инвариантности. Одни из примеров традиции, насчитывающей многие сотни лет, мы уже рассмотрели выше, анализируя работы В.Я. Проппа. Важно, однако, подчеркнуть, что волшебная сказка не стационарна; возникнув в недрах первобытного обряда, она затем постоянно изменяется. «Дальнейшее образование сюжета, – пишет Пропп, – мы на основе всего здесь сказанного должны представить себе так, что данный стержень раз создавшись, впитывает в себя из новой, более поздней действительности, некоторые новые частности или осложнения. С другой стороны, новая жизнь создает новые жанры (новеллистическая сказка), вырастающие уже на иной почве, чем композиция и сюжет волшебной сказки. Другими словами, развитие идет путем наслоений, путем замен, переосмысления и т.д., с другой же стороны – путем новообразований»¹⁶. Конечно, для того, чтобы жить так долго, сказка должна была приобрести какие-то новые функции, какую-то новую роль, которая оправдывала бы ее существование в мире, где уже нет обряда инициации. Интересную гипотезу на этот счет высказывает И.И. Ревзин: «Сказка функционирует в коллективе как образец, парадигма... связного текста, на который носитель языка ориентируется при составлении новых текстов»¹⁷. В сказке, тут же отмечает Ревзин, описывается некоторая игровая ситуация, а «всякая игровая ситуация может рассматриваться как своеобразная модель некоторых сложных ситуаций, с

¹⁶ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 353-354.

¹⁷ Ревзин И.И. К общесемиотическому истолкованию трех постулатов Проппа (анализ сказки и теория связности текста) // Типологические исследования по фольклору. М., 1975. С. 90.

которыми, например, может столкнуться в жизни ребенок». Фактически Ревзин выделяет не одну функцию сказки, а две: 1. образец связного текста; 2. модель реальных жизненных ситуаций. Таким образом, воспроизводимая по образцам от поколения к поколению волшебная сказка начинает одновременно функционировать как образец уже в совсем ином плане, как образец рассказа или анализа современных ситуаций. Это значит, что она становится одной из программ в составе современных социальных куматоидов.

Пример показывает, что механизм жизни традиций – это нечто гораздо более сложное, чем механизм социальных эстафет. На базе концепции эстафет нам надо еще построить теорию традиций. Я говорю «на базе», ибо в каждом временном срезе мы живем в мире эстафет и действуем в конечном итоге по непосредственным образцам. Возникает проблема стационарности эстафет и традиций. В каких условиях они устойчивы, в каких, напротив, начинают варьировать и разрушаться? Нельзя не вспомнить, что проблема устойчивости – это одна из основных проблем минувшего века. Проблема устойчивости атома породила известные работы Н. Бора и была одним из истоков квантовой механики. В рамках кибернетики и биологии возникли проблемы самоорганизации и гомеостаза. И.И. Шмальгаузен разработал теорию стабилизирующего отбора. В этом плане аналогичная проблема стационарности социальных эстафет вполне соответствует духу современной науки. Нельзя сказать, что она не разрабатывается. «Консервирующие механизмы мифа, – пишут В.В. Иванов и В.Н. Топоров, – достаточно многообразны. Само наличие единой структуры, где каждый элемент (или функция) предполагает наличие другого, за ним следующего в цепочке, обеспечивает определенную устойчивость»¹⁸. В цепочке функций героев, описанных в сказке, нельзя изменить ни одной, не меняя всей цепочки. Иными словами, композиция сказки может быть изменена только в целом. В отличие от этого отдельные герои или способы действия могут замещать друг друга, не затрагивая существенным образом остальных элементов сказки. Именно «сцепление» функций, их системность оказывается и здесь решающим фактором стационарности.

4. Подведем некоторый итог.

Мы старались показать, что все социальные явления – это куматоиды, в основе жизни которых лежит механизм социальных эстафет. Постоянно воспроизводимые образцы – это и есть исходный способ бытия социальных программ. На их основе возникает язык и речь, и социальные программы приобретают форму вербализованных образцов или конкретных словесных предписаний. Мы сохраним термин «социальная программа» для всех этих случаев, если для нас в той или иной ситуации их различия не являются существенными. Мы будем использовать этот термин и тогда, когда речь пойдет о сложных куматоидах, которые трудно разложить на элементарные составляющие. Однако надо иметь в виду, что именно понятие социальной эстафеты, элементарного социального куматоида является ключевым для всего

¹⁸ Иванов В.В., Топоров В.Н. Инвариант и трансформации в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. С. 49.

дальнейшего изложения. Вводя это понятие, мы тем самым получаем некоторый общий подход к изучению социальных явлений, некоторый зародыш особой фундаментальной дисциплины в рамках социальных наук. Социальные эстафеты – это, образно говоря, «элементарные частицы», образующие социум. И в такой же степени, как элементарные частицы в физике, они не существуют изолированно, но только в рамках социального целого. Вот что пишет об элементарных частицах один из крупных современных физиков-теоретиков Дж. Уилер: «Самым поразительным в теории элементарных частиц является то обстоятельство, что эта теория относится ко всему пространству сразу. Например, Вселенная, содержащая один электрон, бессмысленна. Как было уже давно показано Дираком, электрон в этом случае перешел бы в состояние с отрицательной энергией через фантастически малое время. Наблюдаемая стабильность электрона относительно радиационной катастрофы такого типа требует, чтобы все состояния с отрицательной энергией были заполнены»¹⁹. Иными словами, электрон не существует вне целого, каковым является Вселенная. Разве не чувствуется здесь некоторая аналогия с нашим пониманием социальных эстафет?

Выражение «Социальные явления – это куматоиды» по своему методологическому статусу аналогично выражению типа «Свет – это электромагнитная волна». В обоих случаях решается вопрос о способе бытия изучаемых объектов, вопрос, как мы видели, достаточно запутанный в гуманитарных науках. В свете сказанного мы можем подтвердить точку зрения Р. Уэллека и О. Уоррена: да, все семиотические объекты, включая произведения литературы, как художественной, так и научной, – это «совокупность некоторых норм, связанных отношением структуры». Мы, однако, ответили и на вопрос о способе бытия этих норм. Способ их бытия – это социальные эстафеты. Человек всегда действует по имеющимся у него образцам, являясь актуальным или потенциальным участником огромного количества эстафет. И именно это определяет постоянное воспроизводство социального целого, воспроизводство языка и речи, форм социального поведения и практической деятельности. И это вовсе не какой-то особый «третий мир» Карла Поппера. Мир социальных эстафет – это мир физический, физический, разумеется, не в специально научном смысле слова, а по своему онтологическому статусу. Нас поэтому ни в коем случае не следует понимать в том смысле, что мы проповедуем какой-либо естественнонаучный редукционизм применительно к изучению социальных явлений. Отнюдь нет. Более того, концепция социальных эстафет кладет жесткий предел каким-либо редукционистским поползновениям в этой области. Сколько бы мы ни изучали физические или химические свойства воды, это не приведет к пониманию конкретной волновой картины на поверхности океана в данный момент. Но в такой же степени физическое или биологическое изучение человека никогда не объяснит нам состояния социальных «волн», именуемого Культурой.

А как же творчество?

¹⁹ Уилер Дж. Гравитация, нейтрино и Вселенная. М., 1962. С. 126.

Но не превращаем ли мы тем самым человека с его творческими потенциями и стремлением к новому в своеобразную копирующую машину, воспроизводящую без конца в рамках социальных эстафет одни и те же приевшиеся формулы? Одна эта мысль можем отвратить нетерпеливого читателя от приятия всех дальнейших рассуждений. Короче, не приводит ли излагаемая концепция к неизбежному отрицанию творчества, новаций, развития? Вопрос вполне правомерный. И не только потому, что на протяжении предшествующих страниц мы ратовали за сохранение и воспроизведение, но и в более широком плане, ибо существует уже многовековая традиция связывать творчество с преступлением и продажей души дьяволу.

Но так ли это? Действительно ли творчество и воспроизведение, новации и сохранение так уж противоречат друг другу? Нетрудно найти и прямо противоположные точки зрения. Борис Пастернак, например, писал: «Новое возникает не в отмену старому, как обычно принято думать, но совершенно напротив, в восхищенном воспроизведении образца»²⁰. Это мнение поэта, а вот аналогичное мнение физика В.Гейзенберга, которого, как и Б. Пастернака, едва ли можно упрекнуть в отсутствии творческих устремлений: «В науке хорошую и плодотворную революцию можно совершить только тогда, когда мы пытаемся внести как можно меньше изменений...»²¹.

Под эти прозрения великих деятелей культуры не так уж трудно подвести теоретическую базу. Да, мы призываем к сохранению и воспроизведению образцов, но в какой степени это осуществимо и осуществимо ли вообще? Можно показать, что человека в принципе нельзя превратить в копирующую машину. И не потому, что он этому сопротивляется или чего-то не умеет, а в силу не зависящих от человека обстоятельств. Воспроизведение образцов – это вовсе не слепое копирование, вовсе не буквальное повторение того, что делалось раньше. Такое повторение просто невозможно в силу постоянного изменения ситуации, в силу изменения контекста. Даже тривиальный и, казалось бы, очень стандартный производственный акт не может быть воспроизведен без учета этого обстоятельства, ибо он с необходимостью предполагает хотя бы смену материала и орудий труда. В такой же степени изучение языка – это не заучивание готовых фраз, а приобретение способности понимать и строить новые фразы по имеющимся образцам, но в трудно предсказуемом многообразии ситуаций. И это не копирование и воспроизведение – это всегда и видоизменение с целью приспособления к новым условиям, видоизменения с целью выживания, а не с целью самоуничтожения. Старые концепции, старые теории живут в составе современной науки, но живут в новом контексте, а следовательно, приобретают новый смысл, новое содержание. Итак, сохранить – значит видоизменить. Это общий закон как органического, так и социо-культурного мира.

Ф. Ницше писал: «"Мыслить" в примитивном состоянии (доорганическом) значит отстаивать известные формы, как у кристалла.

²⁰ Пастернак Б. Охранная грамота // Пастернак Б. Воздушные пути. М., 1982. С. 256-257.

²¹ Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. М., 1989. С. 267.

Самое существенное в нашем мышлении – это включение нового материала в старые схемы (прокрустово ложе), уравнивание нового»²². Это верно, и это как раз и подхватила современная философия науки в своих представлениях о парадигмах, исследовательских программах и т.п. Мыслить и при этом творчески мыслить – это значит реализовывать прошлый опыт в новых условиях, это значит воспроизводить Прошлое в Настоящем. Ниже мы рассмотрим все это более подробно.

Но что такое Прошлое в свете изложенных представлений? Реализуя образцы, мы тем самым меняем контекст их существования. Современная наука и культура есть продукт реализации прошлых образцов, но эти образцы в контексте современной науки и культуры приобретают новый смысл и значение. Мы смотрим в Прошлое из Настоящего, и это означает изменение контекста его существования. Именно в силу этого мы способны находить в Прошлом все новое содержание, а реализуя его, снова обогащаем и видоизменяем контекст восприятия прошлых образцов. Иными словами, социальный «генофонд» потенциально бесконечен, ибо, черпая из него, мы тем самым его обогащаем и добавляем еще одно крайне существенное обстоятельство. Изучая язык, мы не просто буквально заучиваем услышанные фразы, ибо таким образом мы просто никогда не научились бы говорить. Опираясь на образцы воспринимаемых речевых актов, мы учимся строить новые фразы, новые цепочки предложений, используя другую лексику. Мы усваиваем простейшие грамматические конструкции и начинаем их комбинировать. Это напоминает детский конструктор из кубиков или металлических деталей, на базе которого по заданным правилам соединения элементов друг с другом можно создавать огромное количество разнообразных конструкций. Такого рода конструкторы существуют во всех областях человеческой деятельности. Мы поэтому не просто воспроизводим, не просто копируем имеющиеся образцы, но конструируем в соответствии с этими образцами новые способы деятельности. Существование такой конструирующей (инженерной) деятельности отнюдь не противоречит концепции социальных эстафет. Напротив, оно ее предполагает и на ней основывается. Шахматная игра невозможно без жестких правил, но на базе этих правил мы можем построить на шахматной доске огромное, практически бесконечное количество позиций. Я имею в виду не только практическую игру, но и деятельность шахматных композиторов.

Дополнение:

Все дороги ведут в Рим

Этот раздел можно при желании пропустить, ибо он не вносит ничего нового в основную логику изложения, но показывает, что идея передачи опыта путем подражания уже давно живет в Культуре и проявляет себя в разных контекстах и в разных сферах исследования. Нам представляется, что это одна из самых фундаментальных идей на пути поиска тех социальных «генов», которые ответственны за воспроизводство Культуры. Речь идет о некотором исходном и фундамен-

²² Ницше Ф. Воля к власти. ПСС. М., 1910. Т.9. С. 231.

тальном типе социального взаимодействия, с которым уже давно имеют дело многие общественные дисциплины, иногда просто фиксируя его наличие и называя разными именами, иногда пытаюсь вскрыть механизм.

1. Вездесущий «Рок»

Известный мыслитель прошлого века Генри Дэвид Торо писал: «Когда я пытаюсь заказать себе одежду определенного фасона, портниха важно говорит мне: "Такого сейчас никто не носит", не уточняя, кто не носит, и словно повторяя слова авторитета, безличного как Рок. Мне трудно заказать себе то, что мне надо, потому что она просто не верит, что я говорю всерьез и действительно могу быть так неблагодарен. Услышав ее торжественную фразу, я погружаюсь в раздумье, повторяя про себя каждое слово в отдельности, пытаюсь добраться до сущности и уяснить себе, кем мне приходится эти *Никто* и почему они так авторитетны в вопросе, столь близко меня касающемся». В настоящее время мы все больше осознаем огромную роль этих подспудных социальных сил, которые постоянно дают о себе знать, но пока еще не получили окончательного и достаточно однозначного имени. Мы сталкиваемся с ними отнюдь не только в ателье, но и в развитии науки, техники и литературы, во всех сферах нашей как бытовой, так и общественной жизни, в сфере международной и внутренней политики, при анализе национальных конфликтов и в борьбе с бюрократией... Безликий Рок Генри Торо присутствует повсеместно как в жизни индивида, так и в ходе Истории, и не исключено, что именно здесь, т.е. по его следам, должна пролегать основная магистраль развития социальной теории вообще. Действительно, не пора ли нам, представителям обществоведения, поставить, наконец, как это давно сделано в физике, принципиальный вопрос о природе тех исходных взаимодействий, которые определяют в конечном итоге все многообразие человеческого социального бытия в данном случае безликость равнозначна колоссальной многоликости, и мы пока не научились идентифицировать этот таинственный Рок во всех его многочисленных ипостасях. Мы говорим о моде, о традициях, о парадигмах, о стереотипах социального поведения, об идеалах и нормах, о клише, о силе привычки, о роли образцов и подражания... Каждый из этих терминов имеет некоторую, чаще всего случайно сформировавшуюся область употребления, но постепенно иррадирует, выявляя тем самым свою потенциальную универсальность. Так, например, термин «мода» вполне применим при обсуждении не только предметов туалета, но и модных тем, проблем или направлений в науке или в искусстве. Понятие «парадигма», переключаясь из лингвистики в философию и историю науки, приобретает сейчас все более и более общее звучание, и мы начинаем говорить о парадигмальном поведении вообще, имея в виду стереотипность, повторяемость, традиционность. Аналогичную тенденцию к иррадиации проявляет и термин «клише». «Место клише в жизни людей, видимо, очень велико, – писал известный паремиолог Г.Л. Пермяков. – Ведь, по существу, к клише следует отнести всякий стереотип, все воспроизводимые по стандартной, заранее установ-

²³ Торо Г. Д. Уолден или жизнь в лесу. М., 1979. С. 32.

ленной схеме действия. Сюда, в частности, можно отнести все стереотипные поведения (например, обряды), любые шаблонные действия (например, ремесленные и другие производственные навыки) и вообще любые действия, производимые автоматически»²⁴.

Мы не хотим сказать, что все приведенные или подобные им выражения обозначают в пределе одно и то же. Нет, разумеется. Например, модные концепции или формы одежды сплошь и рядом столь же тесно связаны с традициями, как и вышедшие из моды. «Традиция» и «мода» – это, следовательно, разные термины, и последний из них фиксирует только степень приверженности людей к тем или иным традициям или их вариациям. Очевидно, однако, что в обоих случаях, т.е. действуя в рамках традиции или подчиняясь моде, мы попадаем в ситуацию, столь ярко описанную Г.Торо, и кто-то внушает нам в явной или неявной форме, что иначе сейчас не одеваются, не мыслят, не поступают... И возникает вопрос: кем нам приходится эти всемогущие Никто?

Нам важно следующее: 1. Специфика приведенных терминов или выражений не связана с конкретными особенностями той или иной сферы социальной жизни; 2. Все они выражают наше отношение к каким-то очень общим и фундаментальным социальным силам, вездесущим как Рок. Именно эти силы нам и хотелось бы выделить и сделать объектом специального рассмотрения. Это важно хотя бы потому, что в мире социальном они столь же универсальны и вездесущи, как гравитация в мире физики.

Как уже было сказано, одна из наиболее фундаментальных идей, связанных с попытками зафиксировать и исследовать названные силы, – это идея подражания. Она развивалась в рамках лингвистики, когда речь заходила об усвоении языка ребенком или при построении гипотез о происхождении языка и речи, в рамках этологии, т.е. при изучении поведения животных, в сфере теоретической социологии и культурологии... Но с идеей подражания, как уже отмечалось, судьба сыграла довольно злую шутку. Ей явно не повезло. Уже во французской социологии конца прошлого века эта идея попала на развилку двух дорог, каждая из которых вела в тупик. Первый путь завершился величественным, но шатким построением Г.Тарда, где подражание рассматривается совершенно не дифференцированно как некоторый «макроскопический» социальный процесс, и делается попытка все, даже отношения господства и подчинения непосредственно вывести из подражания. В начале второго пути стоит такой авторитет, как Э. Дюркгейм, но здесь идея подражания, напротив, стала крайне дифференцироваться и мельчать, теряя свое культурологическое звучание. Идея эта, впрочем, возродилась, и как раз на этом пути и с учетом критических нападков, которым она подверглась в середине XX века со стороны некоторых лингвистов и психолингвистов. Эти нападки, как нам представляется, помогают значительно усилить идею и сделать ее гораздо более интересной. Теперь, правда, это уже не идея подражания, она сменила имя, теперь это идея социальных эстафет как исходных механизмов социальной памяти. Нам нужен этот небольшой «маскарад», ибо теория социальных эстафет не собирается взваливать на свои

²⁴ Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988.С. 208.

плечи груз старых ошибок и коннотаций. Но мы, тем не менее, не отрицаем и преемственности, о чем свидетельствует данный раздел.

Рассмотрим же основные пути проникновения идеи подражания в сферу социо-гуманитарного знания. Не претендуя на глубокий и тем более подробный анализ истории вопроса, мы ограничимся рядом примеров. Мы будем брать их из разных дисциплин, подчеркивая тем самым, что сходные представления возникают в разное время и на разном материале. Это, вероятно, не случайно: все дороги ведут в Рим.

2. Подражание у животных

Способность к подражанию присуща далеко не только человеку. Скорей, мы имеем здесь дело с универсальным механизмом передачи опыта, который широко действует у всех видов млекопитающих и птиц, а также у многих видов рыб. Уточним, однако, что при этом имеется в виду. Известно, что у молодежи стайных рыб защитная реакция (бегство) на хищника формируется либо при непосредственном контакте с нападающим хищником, либо при виде того, как хищник поедает других членов стаи. Однако стая в целом, как правило, всегда реагирует на хищника, хотя в ее состав входят и необученные особи²⁵. Здесь мы дважды сталкиваемся с так называемым опосредованным или имитационным обучением, в основе которого лежит подражание. Первое – это выработка реакции на хищника при виде гибели другого члена стаи. Второе – подражание необученных членов стаи уже обученным. Биологи нередко в обоих случаях говорят о подражании, хотя случаи эти довольно явно отличаются друг от друга.

Необученная рыба спасается бегством от хищника в силу того, что она в буквальном смысле слова повторяет, имитирует действия других рыб. Здесь подражание налицо. Но можно ли считать подражанием ситуацию, когда рыба начинает бояться хищника при виде нападения на другую рыбу? Чему она при этом подражает? Может быть, тщетным попыткам жертвы спастись? Есть, конечно, и нечто существенно общее в обоих случаях. Это общее – способность реагировать на образец, ассимиляция чужого опыта на базе его непосредственной наглядной демонстрации. Образец может быть позитивным и негативным. В одном случае его воспроизводят, т.е. буквально подражают, в другом, наоборот, не воспроизводят. Самое существенное здесь то, что появился новый канал передачи информации: опыт передается не путем биологического наследования и не на уровне индивидуальной памяти, фиксирующей результаты прошлого поведения индивида, а путем демонстрации, на уровне образцов поведения.

Огромное биологическое значение этого очевидно. Приобретение индивидуального опыта столкновения с хищником крайне опасно. Что касается генетических механизмов, то они закрепляют такой опыт, если вообще закрепляют, крайне медленно. Действие же по образцам позволяет всей стае хранить и использовать опыт нескольких индивидов. Перед нами мощный механизм обобществления, социализации опыта. Термин «подражание» при этом не совсем удачен, ибо главное для нас – это способность ассимиляции образцов, независимо от того, являются

²⁵ Мантейфель Б.П. Экология поведения животных. М., 1980. С. 86-89.

они позитивными или негативными. Пока, однако, мы сохраним этот термин в силу его достаточно частого употребления разными авторами.

Можно привести много примеров подражания у животных. Сюда относятся, в частности, многочисленные факты обучения родителями детенышей. Это – «школы» выдр, где молодые обучаются плаванию и ловле рыбы, это обучение в семьях волков, которое длится более года, это обучение ловле рыбы у бурых медведей. Сейчас уже ясно, что многие особенности поведения животных не наследуются, а передаются путем подражания. Так, например, ягнята, выкормленные козами, брыкаются задними ногами, как козы (овцам это несвойственно), и впоследствии боятся других овец²⁶. Особенно развито имитационное поведение у обезьян, что позволяет некоторым исследователям считать, что формирование условных рефлексов происходит в обезьяньем стаде преимущественно на основе подражания²⁷.

Но, несомненно, максимальное развитие и значение такая демонстрационная форма передачи опыта, связанная с действиями по образцам, получает в человеческом обществе, образуя одну из основ его бытия. Эволюция человека – это эволюция орудий труда, эволюция, совершенствование производственных технологий. Мы не знаем другого механизма социализации этого опыта и передачи его от поколения к поколению, кроме механизма непосредственной демонстрации и ассимиляции образцов. Можно, конечно, фиксировать опыт средствами языка, но сам язык, как мы видели, усваивается на уровне тех же самых образцов, т.е. путем подражания. Все наталкивает на мысль, что подражание, имитация или, точнее, действие по образцам – это и есть исходный механизм социальной памяти.

3. Взгляды Гельвеция.

Вероятно, одним из первых исследователей, систематически и постоянно повторявших, что человек склонен к подражанию, был Гельвеций. «Человек, как это доказывает опыт, – писал он, – по природе своей склонен к подражанию, как обезьяна. Находясь среди добродетельных граждан, он сам становится добродетельным...»²⁸. Гельвеций придает подражанию огромное значение и уверен, что моральный человек является продуктом воспитания и подражания. «Порок, – писал он, – передается путем заражения»²⁹. Эта аналогия между подражанием и заражением оказалась очень стойкой и дала свои ростки уже на границе XIX и XX вв. в виде концепции «психической заразы»³⁰. «Человек, – писал Гельвеций, – вообще лишь отражает идеи окружающих его лиц»³¹. «Большинство людей повторяет друг друга: это – путешественники, дающие одно и то же описание стран, по которым они наспех проехали или которых они даже никогда не видели»³². Трудно сказать, связывал ли Гельвеций названные им явления с подражанием,

²⁶ Там же. С. 102.

²⁷ Фабри К.Э. Основы зоопсихологии. МГУ, 1976. С. 84.

²⁸ Гельвеций. Соч. Т. 2. М., 1974. С. 533.

²⁹ Там же. С. 274.

³⁰ См.: Вигуру А. и Жукелье. Психическая зараза. М., 1912.

³¹ Гельвеций. Т. 2. С. 509.

³² Там же. С. 281.

ибо сам термин в приведенных высказываниях отсутствует. Но он неоднократно подчеркивает стандартность явлений человеческой культуры и, в частности, приводит следующую яркую аналогию: «В старинных зрительных залах было, как говорят, устроено искусственное эхо, отражатели которого были в большом числе размещены на небольшом расстоянии друг от друга, и было немного действующих лиц на сцене. Но на сцене мира число самостоятельно мыслящих людей точно так же очень незначительно, а эхо очень громкое. Это эхо повсюду нас оглушает своим шумом»³³. Невольно напрашивается идея придать подражанию глобальное социологическое значение. Этой мысли, однако, Гельвеций нигде специально не развивает. Заслуга построения глобальной социологической концепции подражания принадлежит его соотечественнику, французскому социологу XIX века Габриелю Тарду.

4. Теория подражания в работах Г.Тарда

Основная и наиболее известная работа Г. Тарда «Законы подражания» вышла в свет в 1890 году. «В общественном отношении, – пишет Тард в самом начале работы, – все оказывается изобретениями и подражаниями; подражания – это реки, вытекающие из тех гор, что представляют собой изобретения»³⁴. Таким образом, Тард рисует глобальную картину социальной жизни, все явления которой сводятся к двум основным факторам: к изобретениям, или открытиям, и подражанию. Изобретения имеют случайный характер. «Изменения эти, – пишет автор, – объясняются возникновением случайных в известной степени (насколько дело идет о месте и времени) великих идей, или вернее значительного числа идей мелких и крупных... я позволяю себе называть их общим именем изобретений или открытий»³⁵. Несколькими страницами ниже он продолжает: «Всякое повторение, будет ли то социальное, органическое или физическое, т.е. подражательное, наследственное или вибрационное... вытекает из нововведения, подобно тому, как всякий свет исходит из известного источника; таким образом, нормальное во всякого рода познании представляется вытекающим из случайных»³⁶. Приведенные высказывания показывают, что Тард идет по пути широких аналогий, сопоставляя социологию и естествознание. Естествоиспытатели, с его точки зрения, показывают предмет своей науки в основном со стороны сходств и повторений, в то время как историки и социологи набрасывают покрывало на единообразную, правильную сторону социальных фактов, на их повторяемость, выдвигая на первый план все случайное. Именно подражание поэтому и следует сделать основным предметом изучения. «Социальный организм, – пишет Тард, – по существу своему подражательный... подражание играет в обществах роль, аналогичную с наследственностью в физиологических организмах или с волнообразным колебанием в мертвых телах»³⁷. Эти аналогии звучат у Тарда на протяжении всей работы: распространение идеи, потребности, обряда, и распространение света от источника или

³³ Там же. С. 281.

³⁴ Тард Г. Законы подражания. Спб., 1892. С. 3.

³⁵ Там же. С. 2.

³⁶ Там же. С. 7.

³⁷ Там же. С. 11.

размножение животных от исходной пары. «Все цивилизации, даже самые несходные, суть лучи, вышедшие из одного и того же первоначального фокуса»³⁸.

Но как объяснить сами открытия, сами изобретения? Тут Тард высказывает, как нам представляется, гениальную мысль: «Всякое изобретение сводится к счастливой встрече в мыслящем мозгу какого-нибудь раздражательного течения с другим раздражательным потоком, усиливающим первый»³⁹. «Все изобретения и открытия представляют своего рода комбинации, элементами которых служат подражания прежнему, не считая нескольких чисто внешних прибавлений»⁴⁰. Тард при этом проводит прямую аналогию с рефракцией и интерференцией волн. Возьмем, например, изобретение парохода. Конечно, он представляет собой нечто новое, но машина и мореплавание уже существовали, их надо было только соединить. То же самое можно сказать и о винтовом пароходе: пароход и винт уже существовали в момент этого изобретения. Надо сказать, что примеры Тарда довольно примитивны и неинтересны и не соответствуют значимости его идеи.

В целом все, что мы изложили, очень напоминает аналогию Гельвеция с эхом в зрительном зале: великие люди делают открытия на сцене мира, а эхо-подражание бесконечно множится и разносится во все стороны.

Перейдем теперь к более детальному анализу и оценке концепции Тарда. Похоже, что он схватывает явление подражания на некотором глобальном феноменологическом уровне, как можно схватить, например, явление жизни, наследственности, морфологическое сходство живых организмов, не вникая во внутренние механизмы, а фиксируя только абстрактным образом внешние характеристики. «Всякие сходства социального происхождения, – пишет он, – замечаемые в мире общественном, представляют прямое или косвенное следствие подражания во всевозможных его видах: подражания-обычая или подражания-моды, подражания-симпатии или подражания-повиновения, подражания-обучения, или подражания-воспитания, подражания слепого или подражания сознательного»⁴¹. Высказывание во многом знаменательное. Уже те виды подражания, которые здесь выделяет Тард, показывают, что он не пытается разложить сложное на какие-то простые ~~действительные~~ элементы.

Что такое подражание-повиновение? Если есть повиновение, значит, есть приказание, значит, есть язык в какой-то его форме. Но это значит, что перед нами не просто подражание, а довольно сложное явление, сложная структура социальной памяти. А потом почему все же «повиновение»? Словесное предписание – это еще не приказ. Приказывать может имеющий власть. Это значит, что акт коммуникации происходит в какой-то социальной среде с какими-то традициями, с какими-то социальными отношениями. Одно дело – повиновение ученика учителю в современной школе, другое – повиновение раба своему господину. Поскольку общественные отношения воспроизводятся в конечном итоге тоже на уровне

³⁸ Там же. С. 51.

³⁹ Там же. С.45.

⁴⁰ Там же. С. 46.

⁴¹ Там же. С.14.

подражания, повиновение может оказаться очень сложным явлением, как по структуре, так и по содержанию.

А что такое подражание сознательное? Если связывать сознание с наличием речевой деятельности, то и здесь мы имеем дело не с исходными механизмами, а с чем-то вторичным и достаточно сложным. Ничего этого Тард, вероятно, не осознает. У него нет стремления свести сложное к простому, найти какие-то элементарные механизмы воспроизводства деятельности. Но тогда не ясно, что же он называет подражанием. С одной стороны, он утверждает, что «всякие сходства социального происхождения» можно объяснить подражанием, с другой, фактически само подражание понимает глобально, как любое воспроизведение сходного. Здесь явный круг. Нельзя объяснять феноменологию феноменологией же, а Тард не идет дальше фиксации внешнего сходства событий. Между тем, если мы хотим это сходство объяснить, то надо исходить из подражания как некоторого элементарного акта, который, вообще говоря, едва ли можно непосредственно наблюдать, как и атом. Похоже, однако, что для Тарда подражание в его различных видах есть нечто неразложимое, по крайней мере на социологическом уровне. Он пытается понять, что такое подражание, углубляясь в психологию или физиологию этого процесса, но совершенно не учитывая чисто социальную сложность тех актов, которые он непосредственно наблюдает. За этими непосредственно данными феноменами он уже не ищет никакой реальности, кроме психофизиологической. При этом у Тарда невольно возникает вопрос: а чему именно подражают? Сам он отвечает на это следующим образом: «То, что изобретается, то, чему подражают, представляет собой не что иное, как идею или желание, суждение или намерение, в которых проявляются в известной мере верование или хотение»⁴². Итак, открытие или изобретение, которым подражают, — это идеи. Это, кстати, позволяет Тарду назвать всю свою теорию идеализмом: «Это, если хотите, все еще идеализм, но идеализм, стремящийся объяснить историю идеями ее деятелей, но не идеями историка»⁴³. Тард не делает попыток, опираясь на свою теорию подражания, объяснить, что такое идеи, он просто исходит из существования последних как образцов для подражания. Но идеи предполагают мышление, сознание, эти последние — язык. Язык передается на уровне подражания... Не значит ли это, что подражание представляет собой нечто гораздо более элементарное и первичное по сравнению с мышлением, сознанием и идеями? Не тут-то было! У Тарда мы встречаем такое высказывание: «В начале какой-нибудь антропоид придумал первые начатки бесформенного языка и грубой религии»⁴⁴. Словечко «придумал» сразу снимает всякие проблемы типа проблемы возникновения речи. Если язык можно было придумать, значит, идеи есть нечто первичное по отношению к языку.

Но чему же все-таки мы подражаем? Тард упорно не хочет видеть материальной практической деятельности людей. С этим связан и один из законов подражания, который он выделяет: подражание идет от внутреннего к внешнему. Сначала подражают идее, а потом ее

⁴² Там же. С. 149-150.

⁴³ Там же. С. 3.

⁴⁴ Там же. С. 44.

выражению; сначала подражают цели, а потом средству⁴⁵. «Если говорят, что ученик подражает своему учителю, когда повторяет его слова, то почему же нельзя сказать, что он подражает ему еще раньше, именно усвоя мысленно идею, выраженную затем словами»⁴⁶. «Подражание, следовательно, идет от внутреннего к внешнему»⁴⁷. Но что же в таком случае Тард понимает под подражанием? Скорей всего, это вовсе не обезьяноподобное подражание Гельвеция. Подражание, по Тарду, – это прежде всего понимание чужих идей с целью их воплощения. Надо понять замысел изобретателя, чтобы сделать машину, надо понять цель, чтобы подобрать соответствующие средства. И очевидно, что ученик не должен механически зазубривать слова учителя, он должен понять содержащуюся в них мысль, а потом воспроизвести ее своими словами. Все это означает, что Тард под подражанием понимает вовсе не непосредственное воспроизведение образцов деятельности. Подражание у него – это социальные традиции, передаваемые, транслируемые на уровне идей и проектов.

Итак, подход Тарда – глобально феноменологический, и поэтому само подражание теряет у него смысл исходного элементарного акта. Это, вероятно, не случайно и связано с общим позитивистским мировоззрением и с установкой на отрицание ненаблюдаемых сущностей. Возможно, что именно эта позитивистская исходная установка и связанный с ней отказ от генетического подхода приводит Тарда к смешению совершенно разнородных явлений и в конечном итоге к тому, что в обществе он вообще не видит ничего, кроме подражания. «Общество – это подражание», – пишет он⁴⁸. Правда, в другой своей работе «Социальная логика» Тард отмечает, что иногда его понимали неправильно и что он не приписывает подражанию столь глобального значения: «Ошибались только иногда относительно характера и степени той важности, какую я приписываю подражанию. Оно по моим взглядам есть только социальная память, а если память фундамент ума, то это не будет еще его здание»⁴⁹. И действительно, ум Тард не сводит к подражанию. Зато социальное неравенство, с его точки зрения, прямо из него вытекает. Дело, видите ли, в том, что А подражает В, а В в свою очередь А не подражает. Этой первоначальной несимметричностью отношения подражания Тард пытается объяснить существование каст.⁵⁰ Развитие общества, с его точки зрения, с самых первых шагов предполагает авторитет и только потом, т.е. в эпоху развитой цивилизации наступает равенство. Именно подражание при этом повлекло за собой социальную иерархию людей: «Это было неизбежно, потому что отношение образца и копии было отношением апостола к неофиту, властелина к подданному»⁵¹.

5. Критика Г.Тарда Г.В. Плехановым.

⁴⁵ Там же. С. 213.

⁴⁶ Там же. С. 203.

⁴⁷ Там же. С. 205.

⁴⁸ Там же. С.74.

⁴⁹ Тард Г. Социальная логика. Спб., 1901. С. 4–5.

⁵⁰ Тард Г. Законы подражания. С. 78.

⁵¹ Там же. С. 218.

И все же, несомненно, именно Г.Тарду следует приписать заслугу первой глобальной постановки вопроса о природе социальной памяти и первую систематическую попытку связать эту природу с законами подражания. Книгу Тарда высоко оценивал Г.В. Плеханов: «Тард, написавший о законах подражания очень интересное исследование, видит в нем как бы душу общества... Что подражание играло очень большую роль в истории всех наших идей, вкусов, моды и обычаев, это не подлежит ни малейшему сомнению»⁵². И тут же двумя строками ниже Г.В. Плеханов пишет: «Но так же мало может подлежать сомнению и то обстоятельство, что Тард поставил исследование законов подражания на ложную основу».

В чем же суть возражений Г.В. Плеханова? «Когда реставрация Стюартов временно восстановила в Англии господство старого дворянства, – пишет он, – это дворянство не только не обнаружило ни малейшего стремления подражать крайним представителям революционной мелкой буржуазии, пуританам, но проявило сильнейшую склонность к привычкам и вкусам, прямо противоположным пуританским правилам жизни. Пуританская строгость нравов уступила место самой невероятной распущенности. Тогда стало хорошим тоном любить и делать то, что запрещали пуритане. Пуритане были очень религиозны; светские люди времен реставрации щеголяли своим безбожием. Пуритане преследовали театр и литературу; их падение дало сигнал к новому и сильному увлечению театром и литературой... Пуритане запрещали игру в карты; после реставрации картежная игра стала страстью и т.д. и т.д. Словом, тут действовало не подражание, а противоречие, которое, очевидно, тоже коренится в свойствах человеческого поведения»⁵³. Однако пример Г.В. Плеханова еще не есть возражение, и Тарда легко защитить. Да, старое дворянство играло в карты, не подражая в этом пуританам. Но ведь не они изобрели карточную игру. Значит, не подражая пуританам, они подражали кому-то другому. Да, падение пуритан привело к увлечению театром и литературой. Но сам же Плеханов несколькими страницами дальше отмечает, что «английские аристократы, жившие во Франции во время своего изгнания, познакомились там с французской литературой и французским театром, которые представляли собой образцовый, единственный в своем роде продукт утонченного аристократического общества»⁵⁴. Значит, не подражая пуританам, английские дворяне подражали французской аристократии. Плеханов, как мы уже видели, и не отрицает подражания. Его интересует другой вопрос: почему человек в одних общественных условиях выбирает одни образцы для подражания, а в других — другие? Вот, что он пишет: «Но почему же противоречие, коренящееся в свойствах человеческой природы, проявилось с такой силой в Англии XVII века во взаимных отношениях буржуазии и дворянства? Потому, что это был век очень сильного обострения борьбы между дворянством и буржуазией... Стало быть, мы можем сказать, что хотя у человека, несомненно, есть сильное стремление к подражанию, но это стремление

⁵² Плеханов Г.В. Избр. философские произведения. Т. 5. М., 1958. С. 295.

⁵³ Там же. С. 295.

⁵⁴ Там же. С. 300.

проявляется лишь при известных общественных отношениях»⁵⁵. И далее Плеханов ссылается на Францию XVII века, где буржуазия охотно, хотя и не очень удачно, подражала дворянству.

Сказанное показывает, что Плеханов возражает не против идеи подражания как таковой, эту идею он даже поддерживает, но против глобализма Тарда, сводящего все явления в обществе к подражанию. И здесь Плеханов, несомненно, прав. Подражание – это способ трансляции деятельности людей, способ воспроизводства этой деятельности. Но можно ли сводить историю к деятельности? Вероятно, нельзя, хотя, вообще говоря, в истории нет ничего, кроме деятельности отдельных людей. Возьмем в качестве простой модели шахматы. Каждый шахматист, сидя за доской и рассчитывая варианты, опирается на определенные имеющиеся у него образцы, но это вовсе не означает, что итоговая позиция, которая сложилась, скажем, к концу дебютной стадии партии, была кем-то предусмотрена и в этом плане скопирована. Однако эта позиция существенно определяет дальнейший выбор образцов для каждого из шахматистов. Мы получаем на модели как раз ту ситуацию, о которой говорил Плеханов: каждый шахматист, разыгрывая ту или иную позицию, опирается, как правило, на определенные образцы, но выбор этих образцов в значительной степени диктуется позицией.

6. Э.Дюркгейм о подражании.

Много писал о подражании один из ведущих социологов конца XIX–начала XX века Эмиль Дюркгейм. Его взгляды, однако, резко расходятся со взглядами Г. Тарда. Если Тард понимает под подражанием глобальную трансляцию идей, то Дюркгейм склонен к дифференцированному, аналитическому подходу и уточнению понятий. И прежде всего он не склонен приписывать подражанию всеобъемлющей роли в развитии общества. «Человек обладает способностью подражать другому человеку вне всякой с ним солидарности, вне общей зависимости от одной социальной группы, и распространение подражания, само по себе, бессильно создать взаимную связь между людьми»⁵⁶. Дюркгейм показывает, что термин «подражание» используется в трех различных смыслах. Первый смысл – это действие толпы, в составе которой люди взаимно разжигают и иницируют друг друга, это «способность состояний сознания, одновременно переживаемых некоторым числом разных индивидов, действовать друг на друга и комбинировать между собой таким образом, что в результате получается известное новое состояние»⁵⁷. Второй смысл связан с такими явлениями, как следование моде или обычаю. «То же самое название, – пишет Дюркгейм, – дается заложенной в человеке потребности приводить себя в состояние гармонии с окружающим его обществом и с этой целью усваивать тот образ мыслей и действий, который в этом обществе является общепризнанным»⁵⁸. Третий смысл – это подражание ради подражания. Мы смеемся, например, если вокруг нас смеются. «Может случиться, что мы

⁵⁵ Там же. С. 300.

⁵⁶ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. Спб., 1912. С. 132.

⁵⁷ Там же. С. 134.

⁵⁸ Там же. С. 134.

воспроизводим поступок, совершившийся у нас на глазах или дошедший до нашего сведения, только потому, что он случился в нашем присутствии или доведен до нашего сведения. Сам по себе поступок этот не обладает никакими внутренними достоинствами, ради которых стоило бы повторять его»⁵⁹.

Какой же смысл термина «подражание» выбрать? «Совершенно разное дело, – пишет Дюркгейм, – чувствовать сообща, преклоняться перед авторитетом общественного мнения и автоматически повторять то, что делают другие»⁶⁰. Действия толпы Дюркгейм не связывает с подражанием, ибо решающую роль, с его точки зрения, здесь играет влияние общих условий, общей ситуации. Подчинение моде, обычаям, принципам морали – это тоже не подражание, ибо мы совершаем этот поступок не просто потому, что он был раз осуществлен, а потому, что он носит на себе печать общественного одобрения, к которому мы привыкли относиться с уважением и противиться которому значило бы обречь себя на серьезные неприятности. «Способ нашего подчинения нравам и модам своей страны не имеет ничего общего с машинальным подражанием»⁶¹.

Окончательный итог рассуждений Дюркгейма таков: «Мы назовем подражанием акт, которому непосредственно предшествует представление сходного акта, ранее совершенного другим человеком, причем между представлением и выполнением не происходит никакой – сознательной или бессознательной – умственной работы, относящейся к внутренним свойствам воспроизводимого действия»⁶². Нетрудно видеть, что Дюркгейм таким образом присоединяется к третьему смыслу термина «подражание», рассматривая его как машинальный акт, осуществляемый ради него самого. Но это фактически означает полное отрицание всей концепции Г. Тарда, ибо последний утверждает, что подражание идет от внутреннего к внешнему, от идеи к ее выражению, от цели к средству, а это трудно примирить с машинальным характером этого акта. Дюркгейм в своем понимании гораздо ближе к Гельвецию: подражание – это нечто сближающее человека с обезьяной.

В концепции Дюркгейма бросается в глаза одна существенная особенность. Его интересует не столько подражание как таковое, т.е. факт воспроизведения образца, сколько те стимулы, которые заставляют человека что-либо воспроизводить. Следование моде он не относит к подражанию не потому, что там нет отношения «образец–реализация», а потому, что стимулом к этой реализации является общественное мнение. Но постойте, какое нам дело до этого? Допустим, внешние обстоятельства требуют, чтобы человек был модно одет, но в его распоряжении нет ни выставок, ни демонстраций, ни соответствующих журналов... Очевидно, что положение его безнадежно. С другой стороны, если он попадает в среду, где есть модники и модницы, где ему постоянно демонстрируют образцы, тогда он может выполнить требования, но одним-единственным образом – он должен подражать, т.е. действовать по образцам. Подражание – это своеобразная форма

⁵⁹ Там же. С. 135.

⁶⁰ Там же. С. 141—142.

⁶¹ Там же. С. 139.

⁶² Там же. С. 143.

чтения, это процедура выбора из памяти. Если память организована в форме текста, мы читаем; если это запись на магнитофонной ленте, мы должны включить магнитофон; если это живые образцы поведения и деятельности, мы должны подражать. Было бы странно утверждать, что чтение не является чтением, если нас к нему принуждают; что подлинное чтение – это чтение машинное.

Дюркгейм не учитывает еще одного обстоятельства. В обществе, где существует мода и общественное мнение, существует, как правило, и разное к ним отношение. Отрицательное отношение к моде, т.е. протест против общественного мнения – это тоже следование определенным образцам. Поэтому наличие внешних стимулов, которое мешает Дюркгейму увидеть подражание в актах следования моде, оказывается столь же связанным с образцами, а следовательно, и с подражанием, как и сама мода.

7. Речь ребенка и подражание

Идея подражания получила широкое распространение в лингвистике при обсуждении проблемы формирования детской речи. Каким образом язык передается от поколения к поколению? К этому вопросу мы будем еще возвращаться много раз, а пока остановимся на точке зрения, которая достаточно долго казалась почти очевидной. Суть ее в том, что ребенок усваивает язык путем подражания. Вот как эта точка зрения представлена у одного из самых крупных лингвистов XX века Л. Блумфилда.

«Мы не знаем точно, как дети учатся говорить, – пишет Блумфилд, – но очевидно, что этот процесс заключается примерно в следующем...»⁶³ Далее он выделяет пять пунктов, которые мы изложим с некоторыми сокращениями. Первый пункт – это детский лепет. «Под влиянием разнообразных стимулов ребенок производит и повторяет какие-то звуки. Эта способность является, по-видимому, наследственной. Предположим, что ребенок произносит какой-то звук, который мы изобразим как da... Звуковые колебания доходят до барабанных перепонок ребенка в тот момент, когда он продолжает повторять эти движения. Так рождается навык: когда ребенок слышит сходный звук, он склонен производить ртом те же движения, повторяя тот же звук da. Такое лепетание учит его воспроизводить те звуки, которые он слышит».

Перед нами очень важный этап: ребенок как бы готовит материал для будущей речи. Но материал – это еще не речь, как глина – еще не скульптура. Следующий пункт – это превращение ребенка в «скульптора». «Какой-либо человек, скажем, мать ребенка, произносит в его присутствии звук, напоминающий один из слогов его лепета. Например, она говорит: doll "кукла". Когда эти звуки достигнут слуха ребенка, в действие вступает его первый навык, и он лепечет слог da, наиболее близкий слову doll. Мы говорим, что ребенок начинает "подражать"». Здесь мы снова прервем Блумфилда, чтобы подчеркнуть важность этого момента. Уже владея материалом речи, ребенок начинает этот материал оформлять путем подражания. Иного пути у него, вероятно, и нет. Способность к лепету является наследственной,

⁶³ Здесь и далее: Блумфилд Л. Язык. М., 1968. С. 44-45.

но именно на базе подражания лепет превращается в одном случае в английский, а в другом – в русский язык.

Но подражать ребенок должен не просто звукам, а речевой деятельности взрослых, в рамках которой эти звуки включены в определенные предметные ситуации и в ситуации коммуникации. Этому посвящены следующие два пункта в изложении Блумфилда. «Мать, разумеется, употребляет те или иные слова, когда налицо соответствующий стимул. Она говорит doll "кукла", когда она действительно показывает или дает ребенку куклу. Ребенок видит куклу, берет ее и одновременно слышит и говорит слово doll (то есть da), и это повторяется до тех пор, пока ребенок не выработает нового навыка: достаточно ему увидеть куклу или потрогать ее, чтобы он сказал da. Теперь он уже овладел словом». В других ситуациях, с которыми сталкивается ребенок, это слово может приобретать значение требования или просьбы. Ребенок подходит «к абстрактной или смещенной... речи: он называет предмет, даже когда этот предмет отсутствует». В заключение, последнее, что отмечает Блумфилд, – это постоянную корректировку речи ребенка со стороны окружающих. «Если он говорит достаточно внятно, старшие понимают его, то есть дают ему куклу... С другой стороны, если он произносит свое da, da неправильно, то есть если оно резко отличается от обычной формы взрослых – doll, то его родители не получают стимула и не дают ребенку куклы».

Перед нами, вообще говоря, очень сложный и явно недостаточно изученный процесс, и все же ясно, что главным фактором усвоения речи является подражание. Все остальное дает либо подготовительный материал, либо средства корректировки, исправления неудачных попыток. Важно, что попытки эти не случайны, не произвольны, но представляют собой подражание (иногда используют термин «имитация») деятельности окружающих. В противном случае мы должны будем построить модель, в соответствии с которой ребенок перебирает случайным образом все возможные слоги и их комбинации, пока не достигает нужного эффекта в общении, т.е. пока его не поймут. Ребенок, появляясь на свет, уже застаёт сложившуюся систему речевой деятельности людей. Он должен включиться в эту деятельность. Его исходные предпосылки – это детский лепет и способность к подражанию. Именно последняя и направляет ребенка по кратчайшему пути, не заставляя его перебирать все возможные варианты слов или грамматических построений в надежде на последующий «естественный отбор». Отбор, конечно, во всех случаях играет свою роль, но одно дело переделать da в doll, беря doll в качестве образца для подражания, другое – прийти к doll путем случайного перебора всех комбинаций звуков, которые находятся в распоряжении ребенка.

«Единственным механизмом, подключающим ребенка к языковой среде, – пишет Б.Ф. Поршнев, – является подражание. У ребенка нет наследственного предрасположения к родному языку, он может овладеть любым. Психологи, педагоги и лингвисты, изучившие речь детей, показали, что поначалу ребенок обучается звукам, словам, формам родной речи только и исключительно через внешнее, не несущее смысловой нагрузки, механическое подражание речи окружающих его

людей»⁶⁴. Нельзя, впрочем, не отметить, что эта точка зрения не является единственной и что в последние годы она вызывает целый ряд возражений. Обзор и анализ этих возражений мы отложим, однако, до того момента, когда подготовим предварительно необходимый концептуальный аппарат.

* * *

Подведем некоторый итог. Мы видели, что уже в работах Гельвеция есть зародыши двух пониманий подражания. С одной стороны, речь идет о некоторой поведенческой реакции человека, сближающей его с обезьяной, и Гельвеций на эту аналогию прямо указывает. С другой стороны, говорится о стандартах культуры, о повторении людьми одних и тех же идей, о том, что эхо, исходящее из немногих источников, множится и заполняет «зрительный зал» мира. Гельвеций, как мы уже отмечали, не использует в этом втором случае термина «подражание», но он сам собой напрашивается, ибо рассуждения и первого, и второго рода тесно связаны в рамках одного контекста. Нам представляется, что работы Э.Дюркгейма, посвященные подражанию, – это развитие первого из зародышей. Здесь подражание – это бессознательный поведенческий акт, требующий для своего понимания психологического или физиологического исследования. Линия Дюркгейма дала свои ростки в психологию, где она была, вероятно, значительно усилена еще влиянием соответствующих биологических работ. Уже Ч. Дарвин, например, обращал внимание на явление подражания у детей и на роль подражания при развитии речи⁶⁵. Напротив, исследования Г.Тарда, несмотря на внешний психологизм, – это развитие второго зародыша, связанного с пониманием подражания как трансляции идей, как социальной, культурной традиции. Мы не беремся утверждать, что Тард действительно оказал влияние на развитие работ в этом направлении, мы просто оцениваем его результаты по существу, безотносительно к тому, в какой степени они были ~~под влиянием исследователя~~ ~~исследователя~~, и прямо или косвенно, но Тард звучит и в гуманитарной науке XX века. Вот, в частности, высказывание из черновых набросков нашего известного литературоведа Б.И. Ярхо: «Открытие "*закона волн*" в литературе было бы венцом *точного литературоведения*, ибо оно позволило бы окончательно включить литературу в общий поток жизни»⁶⁶. О каких волнах идет речь? Не о тех ли, о которых писал Тард? Ярхо, судя по всему, понимал значение этой идеи, хотя и видел ее реализацию только в будущем. И тем не менее, как нам представляется, идею подражания и в тардовском ее варианте в настоящее время солидно «затаскали», она стала слишком очевидной, слишком проходной. «Явления подражательности, – пишет Д.С. Лихачев, – так же стары, как и литература»⁶⁷. Я бы сказал: гораздо старше. Но не слишком ли мы к этому привыкли? Когда к идеям привыкают, они перестают развиваться.

⁶⁴ Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 319—320.

⁶⁵ Дарвин Ч. Биографический очерк одного ребенка. // Собр. соч. Т. 5. М., 1953. С. 937–938.

⁶⁶ Ярхо Б.И. Методология точного литературоведения (набросок плана) // Труды по знаковым системам. Вып. 4. Тарту, 1969. С. 526.

⁶⁷ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 184.